

Рассмотрена проблема взаимодействия юридического языка с иными профессиональными языками на примере языка психиатрии. При этом особо отмечается умение юриста справляться с конфликтными ситуациями, возникающими между юридическим и иными языками. Особым «конфликтным местом» является зал судебных заседаний. Поставлен вопрос: что происходит, когда от эксперта-психиатра требуется дать заключение о вменяемости или невменяемости конкретного подсудимого? Моделируя возможное дальнейшее развитие событий, становится очевидным, что существует обширная пропасть между языками психиатрии и права, и возникает она из-за противоречий между природой этих двух отраслей. В каждой ментальной и языковой системе – будь то академическая дисциплина, профессиональная или неформальная речь – имеется свой набор терминов, своя структура, свои цели, свой социальный и культурный контексты. Указывается, что юрист и психиатр постоянно сталкиваются с двумя конфликтами: конфликтом между языком их профессии и реальностью, и конфликтом между психиатрией и правом как таковыми. Отмечается, что природа подобных противоречий подразумевает особый подход к каждому отдельному случаю и совмещение искусства юридического и иных языков.

Ключевые слова: юридический язык; право; юрист; суд; профессионализм; эксперт; психиатрия.

Артур Николаевич Шепелёв, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия;
arturtmb@mail.ru

ВНУТРИЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Введение. В своей профессиональной деятельности юрист всегда должен быть готов лавировать между юридическим языком и множеством профессиональных языков, включая и повседневный язык общения. Можно сказать, что правовой разговор юриста и лица, не связанного с правовой специальностью, – это своего рода непрерывный перевод с одного языка на другой и переход от одного способа изложения информации к другому, и наоборот. При этом перевод осуществляется не в одном направлении. Если юрист намерен вести аргументированный разговор со своим собеседником, то он должен уметь излагать правовую и иную информацию на повседневном языке.

Цель. Юрист должен уметь справляться с конфликтными ситуациями, возникающими между юридическим языком и иными языками. Это относится не только к повседневному языку, но и к языкам многих других специальностей. При этом следует помнить, что любая задача, требующая правового решения, никогда не ограничивается переводом

отдельных терминов, поскольку данный процесс всегда включает в себя установление отношений между языковыми системами, отношений между дискурсами, каждый из которых характеризуется своими четкими целями, методами, способами создания общественных отношений, через которые он функционирует, а также своим набором смыслов.

Обсуждение. В качестве примера может выступить один из контекстов, в рамках которого юрист должен сочетать право с другими языками, – зал судебных заседаний, особенно когда хотя бы одна из сторон обращается к заключениям эксперта. Данная проблема, по сути, схожа с проблемой, существующей между юридическим и повседневным языками, так как юристы и судья постоянно пытаются установить должные отношения между этими различными способами мышления и говорения. Однако этот процесс более сознательный, ведь каждая сторона подталкивает эксперта выражать свои мысли и доводы подходящим именно для этой стороны образом, в то время как другая сторона сопротивляется, возможно, заявляя протест, а, в конечном счете, именно судья принимает решение о заявленных протестах и предложенных экспертом разъяснениях. То, каким образом эксперту позволено излагать свои заключения, является предметом сложной и тщательно продуманной мысли в праве. С точки зрения юриста, данная возможность иметь дело с порой кажущимися непреодолимыми сложностями взаимодействия между этими языками может быть отличным вызовом его профессионализму.

Представим себе, например, выступление эксперта-психиатра в ходе судебного заседания, где сторона защиты борется за оправдательный приговор на основании невменяемости. Стандартной формулировкой в случае признания судом подсудимого невиновным станет следующая: «по причине психического расстройства либо отклонения» способность подсудимого «оценивать степень опасности своих поступков для общества» или «подчинять свое поведение требованиям закона» была «существенно снижена».

Что происходит, когда от эксперта-психиатра требуется дать заключение о вменяемости или невменяемости конкретного подсудимого? Несомненно, эксперт должен «обследовать» подсудимого, то есть вовлечь последнего в разговор определенного характера, в результате которого он сформирует свое профессиональное мнение касательно степени вменяемости, принимая также во внимание информацию о предшествующем поведении подсудимого, а иногда о полученном лечении. Специалисты в данной области имеют обширный опыт в проведении подобных бесед, в конечном итоге, приходя к соответствующим результатам. Это часть их профессионального труда.

Что же происходит, когда такой эксперт дает заключение и выступает в суде с пояснениями к нему? Вероятно, его спросят, сформировал ли он свое профессиональное мнение по поводу того, страдает ли подсудимый «психическим расстройством», имеет ли он «психические отклонения», на самом ли деле «способность» подсудимого «оценивать степень опасности своих поступков для общества» или «подчинять свое поведение требованиям закона» «существенно снижена».

Представим, что эксперту-психиатру задали эти вопросы. Являются ли они с его точки зрения справедливыми и четкими в рамках проведен-

ной им экспертизы? Скорее всего, да, ответим мы; ведь, в конце концов, частью профессии психиатра является классификация пациентов; его специальность определяет и описывает разнообразные «психические расстройства и отклонения»; если он не может ответить, страдает ли данный пациент подобным заболеванием, то кто тогда может? Он также должен обладать опытом определения способности пациентов «оценивать» – не просто разумом, но и аффективно – моральные и эмоциональные реалии, такие как степень опасности для общества совершаемых ими поступков или противоправность их поведения и их способность вести себя в соответствии с общепринятыми нормами.

Однако на самом деле в подобных ситуациях психиатры часто испытывают затруднения. И дело не в том, что они не знают, как провести беседу или проанализировать данные, или составить заключение о психическом заболевании подсудимого или его способности оценивать им ситуацию и соответствовать нормам. Дело в том, что они привыкли выполнять свою работу с абсолютно другой целью, кардинально отличающейся от той, которой призывает служить закон в зале судебных заседаний. Несомненно, психиатры задаются этими вопросами, но это лишь часть процесса лечения. Ситуация в целом рассматривается ими несколько иначе, и основной проблемой для них становятся вопросы о том, какое следует применить лечение и как; насколько результативно выбранное ими лечение; а иногда представляет ли человек опасность для окружающих, и, как следствие, не требует ли он соответствующей изоляции. В суде же психиатра просят, используя язык его профессии, ответить на совершенно другой вопрос, который для него фактически звучит так: следует ли данного человека освободить от несения наказания.

Данная проблема не входит в рамки психиатрической экспертизы, если не сказать больше. Психиатр никогда не задается таким вопросом. Его вопрос заключается в том, как помочь человеку, либо как предотвратить будущий вред, а не в том, следует ли человека наказывать. Он находится в условиях, когда его просят использовать то, что похоже на его профессиональный язык, на его экспертизу, с целью, для которой ни то, ни другое неприменимо, таким образом, создавая ситуацию, в которой он не может изъясняться осмысленно на языке своей специальности. Еще хуже обстоят дела с этической стороной вопроса. На минуту психиатра просят не видеть в подсудимом пациента, нуждающегося в его профессиональных навыках, а заявить о том, следует ли вообще относиться к подсудимому как больному человеку, или же, напротив, подсудимый должен быть подвергнут так называемому наказанию, то есть практике, установленной государством в своих собственных целях, из которых по крайней мере некоторые включают в себя использование человека как части программы общественного контроля, то есть как средства достижения тех или иных общественных целей, а не как самоцель. Данные цели абсолютно несовместимы с тем типом отношений, который психиатр устанавливает со своим пациентом, рассматривая последнего как личность, а не нечто абстрактное.

Предположим, психиатр говорит суду следующее: «Я могу применять данные ярлыки и другие, похожие на них, в целях определения диагноза и

лечения, но я не могу применять их в правовых целях, в целях выделения границ института уголовного наказания, в чем на самом деле я ничего не смыслю. Вопросы, которые вы передо мной ставите, не относятся к области психиатрии, это скорее вопрос справедливости: кого следует наказывать за их правонарушения, а кого оправдать по причине психического расстройства. Мои профессиональные знания не распространяются на подобного рода вопросы. Тот факт, что вы использовали вариант моего языка, чтобы задать этот вопрос, не означает, что я могу четко ответить на него».

Если суд настаивает на ответе, аргументируя тем, что категория «психических расстройств и отклонений» напрямую относится к области знаний эксперта, то ответ последнего, в свою очередь, может звучать следующим образом: «Я не могу применять данные категории там, где цели, которым они служат, в корне противоречат тому, чем я занимаюсь. Не думаю, что в принципе могу вешать осмысленные ярлыки в случае, когда предполагаемые последствия подразумевают отношение к подсудимому не как к личности, а как к отвлеченному объекту. И даже если в каком-то смысле юридические и медицинские категории, кажется, частично совпадают, всегда существуют пограничные случаи, и чтобы обратиться к ним, я должен насколько возможно полно быть осведомленным о целях, для которых данные категории применяются. Итак, можете ли вы сказать, каковы цели установления невменяемости подсудимого? Либо в связи с тем, что данное разбирательство – одно из многочисленных подобных, не могли бы вы сначала пояснить мне, каковы цели уголовного наказания, а затем уже цели данной защиты?».

Последний вопрос действительно ставит в тупик. Несмотря на то, что каждое государство и, возможно, каждая культура имеют такое понятие, как «уголовное наказание», любой студент юридического факультета знает, что в праве нет вразумительного ответа на вопрос: «Каковы цели уголовного права?».

Мы говорим на языке отпущения (либо расплаты) за содеянное зло; рассуждаем о предотвращении будущих подобных преступлений путем демонстрации обществу участи подсудимого; верим в перерождение самого подсудимого, порой благодаря лечению, которое он получит; говорим о его изоляции, то есть о недопущении совершения им того, что он совершил в этот раз. Однако если задуматься, данные рассуждения и действия не складываются в согласованную программу. Между ними существуют противоречия, возможно, не всегда преодолимые.

Существует обширная пропасть между языками психиатрии и права, и возникает она из-за противоречий между природой этих двух отраслей: между их соответствующими целями и между человеческими отношениями, которые они предполагают и требуют. Данное противоречие усиливается при осознании того факта, что цели уголовного права как таковые не могут быть приведены в состояние гармонии и согласованности.

Как же быть праву? Что касается противоречивости в рамках уголовного права, вероятно, согласованности можно добиться путем отказа от идеи удерживания устрашением от совершения преступления как самоцели (хотя, несомненно, любая система наказания будет иметь элементы устрашения). Что же касается конфликта между языком психиатрии и уго-

ловного права, возможным решением может стать позволение, данное эксперту, говорить о подсудимом, используя терминологию, которая кажется ему наиболее приемлемой. При этом эксперт не обязан заявлять ни о каких правовых выводах, таких, как страдает ли подсудимый какими-либо «психическими расстройствами или отклонениями», и действительно ли «существенно снижена» его «способность оценивать степень опасности своих поступков для общества», и т.д. Хотя даже подобный вариант развития событий вовлекает психиатра в конфликт ролей. Однако тяжелая участь применения доводов защиты к системе наказания, которая сама по себе не может быть рационализирована, ляжет на плечи тех, кому она и должна принадлежать – лиц, решающих вопрос факта. Несомненно, подобное решение неприменимо в любых внутриязыковых конфликтах.

Как видим в случае с признанием подсудимого невменяемым, у психиатра просто нет возможности прямо отвечать на вопросы правового характера, однако было бы ошибкой полагать, что потенциальный вклад психиатра в дело бесполезен. Вопрос для права заключается в том, как осуществить эффективный перевод между этими системами дискурса и человеческой деятельности, осознавая при этом неизбежное искажение смысла.

Как продемонстрировал рассмотренный случай, данное стремление часто ставит юристов перед сложной и интересной проблемой, поскольку утверждения не могут быть просто взяты из одного языка, из социального и культурного контекста, в котором они функционируют, и переброшены в другой. Претерпеваемые изменения чересчур велики. При этом, очевидно, необходимо, чтобы право было способно извлекать выгоду и обучаться новому у других областей знания, других профессий, других систем мышления. Для этого требуется, чтобы в этих случаях, как и во многих других, юрист ознакомился с языком той другой специальности, с которой он столкнулся, и имел хотя бы общее представление о его целях и границах, таким образом, осознавая всю разницу между последними и целями и границами права.

Заключение. Из примера о признании подсудимого невменяемым вытекает другой, более сложный вопрос. Здесь мы видим, что каждая ментальная и языковая система – будь то академическая дисциплина, профессиональная или неформальная речь – имеет свой набор терминов, свою структуру, свои цели, свой социальный и культурный контекст. То есть психиатрия направлена на излечение больного либо максимально возможного улучшения его состояния, ее основной заботой является установление психических нарушений и поиск наиболее подходящего лечения. Право ставит своей первоочередной целью достижение справедливости, и в случае установления факта невменяемости видит своей задачей поиск путей идентификации тех, кого было бы несправедливо наказать. Как специалист в своей сфере психиатр всегда вовлечен в процесс понимания, своего рода толкования пациента, того, что он говорит, чувствует и думает, а затем установления с ним тех профессиональных отношений, которые благоприятно скажутся на его здоровье, будь то беседы, прием лекарственных препаратов или коррекция поведения. Специалисты области права тоже своего рода интерпретаторы, но работают они с другим мате-

риалом. Они постоянно толкуют различные тексты – законы, договоры и т.д. – в контексте определенного набора фактов и стечения обстоятельств. В данном случае текст, толкование которого составляет основную задачу юриста, нормы уголовного законодательства о невменяемости в условиях, обозначенных ранее.

Когда они встречаются в зале судебных заседаний, юрист и психиатр постоянно сталкиваются с двумя конфликтами: конфликтом между языком их профессии и реальностью, с которой они имеют дело, и конфликтом между психиатрией и правом как таковыми, проблема, касающаяся обоих, но в большей мере юриста как «переводчика».

Природа подобных конфликтов подразумевает особый подход к каждому отдельному случаю и совмещение искусства юридического языка и иных языков, требует здравого восприятия границ человеческого разума и известной мудрости.

Intralingual Conflicts of the Legal Language

**A. N. Shepelyov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor,
Department of Civil Law and Procedure, Tambov State Technical University,
Tambov, Russia;
arturtmb@mail.ru**

In the article, the author studies the problem of interaction between the legal language and other professional languages, using the language of psychiatry as an example. In this context particular attention is paid to the lawyer's skills to manage conflict situations that appear between the legal and other languages. The courtroom, in particular, presents a "conflict place". The author poses a question: what happens when it is required of an expert-psychiatrist to give an opinion on criminal sanity of the accused? While modeling the possible further development, it becomes obvious, that there is a huge gap between the language of psychiatry and the legal language, which appears because of the contradictions between the natures of these two fields. In each mental and linguistic system, whether an academic discipline, a professional or informal language, there exist its own set of terms, its own structure, goals, social and cultural context. The author points out that the lawyer and the psychiatrist constantly deal with two conflicts: the conflict between their professional language and the reality, and the conflict between the psychiatry and the law as such. The article notes that the nature of such contradictions requires a special approach to each individual case and combination of the art of legal language and other languages.

Keywords: legal language; law; lawyer; court; professionalism; expert; psychiatry.

© А. Н. Шепелёв, 2021

Статья поступила в редакцию 19.03.2021

При цитировании использовать:

Шепелёв А. Н. Внутриязыковые конфликты юридического языка // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 35 – 40. doi: 10.17277/pravo.2021.02.pp.035-040